

Б.М. Маркевич

**Полное собрание
сочинений**

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б.М. Маркевич**
Полное собрание сочинений: Том 1-2 / Б.М. Маркевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 769 с.

ISBN 978-5-517-98369-5

ISBN 978-5-517-98369-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТИПЫ ПРОШЛАГО.

ТИПЫ ПРОШЛАГО.

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Möge doch Mancher, in seinen Sünden,
Hievon die Nutzenwendung finden.

Göthe.

I.

Это было восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Я жилъ тогда въ Москвѣ, служилъ довольно прилежно, еще прилежнѣе губилъ время „на разныя забавы“ и вель вообще, если не веселую, то весьма разсѣянную, чтобы не сказать безтолковую, жизнь. Пора была такая,—1849 годъ! „Разбейтесь силы, вы не нужны!“ говорилось въ одномъ, разумѣется не печатномъ, стихотвореніи той эпохи. И, дѣйствительно, что было дѣлать тогда съ своими силами, куда было дѣть свою молодость?...

Москва въ то время доживала свои послѣдніе беззаботные годы. Желѣзная дорога еще не соединяла ее съ Петербургомъ. Круговоротъ петербургскаго тщеславія и приманки заграничной жизни не успѣли еще обезлюдить ее и измѣнить старинную фізіономію московскаго общества. Не мало еще „тузовъ жило и умирало въ Москвѣ“, не мало еще остава-

*) Впервые напечатанъ въ послѣднихъ пяти книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1867 годъ.

лось тамъ „дверей, открытыхъ для званыхъ и незваныхъ“. Все такъ же гостепріимно и таровато, какъ и во времена Фамусова, жили въ Москвѣ, сладко пили и ѣли, давали шумные праздники, все такъ же плели сплетни, тѣ „милыя“ сплетни, по которымъ вздыхалъ Москвичъ Лермонтовъ, перенесенный въ казенный, не болтливый Петербургъ; все также усердно „спорили и расходились“ въ Англійскомъ клубѣ, проигрывались и закладывали имѣнія въ Опекунскій совѣтъ. Попржежнему, наконецъ, наѣзжали по зимамъ въ Москву, „изъ гвардіи, иные отъ Двора“, искатели богатыхъ невѣстъ, плѣняли тамошнихъ красавицъ своею ловкостью, звѣздами или вензелями и увозили ихъ на берега Невы. Но, вѣрная своимъ преданіямъ, не оскудѣвала ими Бѣловаменная, и на смѣну отбывшимъ прибывали, по первопутью, все новыя и новыя красавицы и невѣсты изъ близкихъ и далекихъ странъ обширнаго нашего отечества...

Въ числѣ моихъ близкихъ знакомыхъ былъ нѣкто Крусановъ, который къ этимъ новопривывшимъ питалъ особеннаго рода нѣжность. Это было съ его стороны совершенно безкорыстное чувство. Крусановъ былъ, какъ говорится, обезпеченъ по части сердечной. Онъ любилъ и былъ любимъ и терпѣливо ждалъ смерти стараго брюзги-мужа, страдавшаго одышвой, для соединенія, на законномъ основаніи, судьбы своей съ судьбой любимаго предмета. Для провинціальныхъ дебютантовъ въ московскомъ свѣтѣ онъ исправлялъ должность добрыхъ волшебницъ дѣтскихъ сказокъ. На балѣ, въ пестрой толпѣ, его привычный взглядъ всегда останавливался на какой-нибудь свѣженькой дѣвочкѣ, съ деревенскими красками на кругленькомъ личикѣ, съ невинными и слегка испуганными глазами и блуждающею на устахъ робкою, немножко глупою улыбкой.

„Взгляни, братъ“, бывало скажетъ онъ, издали указывая на нее, „должно-быть изъ степной губерніи прибыла, сидитъ себѣ, новичокъ-новичкомъ, и боязно-то ей, бѣдненькой, и поплясать-то мочи нѣтъ хочется, а хоть бы кто сжалился, подошелъ; непременно надо ее въ ходъ пустить“. И черезъ пять минутъ онъ успѣлъ собрать о ней справки и дѣйстви-

тельно пускаетъ ее въ ходъ все тѣмъ же, не хитрымъ, но никогда не измѣнявшимъ ему способомъ. Подхватить перваго попавшагося ему знакомаго и пошепчетъ ему на ухо: „въ углу направо, въ розовомъ платьѣ, на головѣ ландыши,—видишь?“—„Вижу; а что?“—„Ничего“, отвѣчаетъ онъ небрежно, завлаывая палецъ за жилетъ,—„ничего, пятьсотъ душъ и двѣсти тысячъ денегъ!“ Тотъ головой только мотнетъ: „знаемъ, братъ, знаемъ, у тебя про всѣхъ одна пѣсня, ты бы хоть цифру-то разочееъ сбавилъ“.—„А я развѣ тебя въ шею толкаю, жениться на ней прошу“, говоритъ Крусановъ, пожимая плечами,—„вѣрь не вѣрь, что мнѣ за дѣло!“ И отвернется все такъ же равнодушно. Тѣмъ не менѣе пущенная имъ утка уже облетѣла всю залу; глядишь, къ юной провинціалкѣ то и дѣло подводятъ танцоровъ. Толстая маменька, сидящая подлѣ нея, съ выпѣвѣвшимъ изумрудомъ на брусничнаго отлива шеѣ, даже жмурится отъ сердечнаго умиленія, и подъ конецъ бала protégée Крусанова уже такъ увѣрена въ своемъ успѣхѣ, что прыгаетъ не въ тактъ въ мазуркѣ смѣлѣе лучшей варшавской балетчицы, и такъ лукаво надуваетъ губки, и закрывается букетомъ, и пускаетъ изъ-за него косые лучи взглядовъ на своего запыхавшагося кавалера, точно будто научилась она всему этому не у себя дома, въ Алатырскомъ уѣздѣ, а гдѣ-нибудь за рѣшетчатымъ окномъ, подъ темнымъ небомъ Андалузій. А тайный, невѣдомый ея благодѣтель, все время слѣдившій за ней изъ угла, съ очевидной гордостью уѣзжаетъ съ вечера, на подобіе Тита Милосердаго, довольный своимъ днемъ. „Что же, братецъ“, говоритъ онъ,—„я свое дѣло сдѣлалъ, путь проложенъ, теперь сама она плыви уже какъ знаетъ....“

II.

— Ну-ка, всевѣдущій человѣкъ, а это кто, и откуда? спросилъ я его однажды, на одномъ очень многолюдномъ балѣ, указывая на высокую, черноволосую дѣвушку, въ бѣломъ съ головы до ногъ, которая только что становилась въ кадрили съ однимъ, въ то время весьма моднымъ, гвардейскимъ кирасиромъ.—Тебѣ сегодня, видно, опять предстоитъ забота.

— Гдѣ она, гдѣ? живо спросилъ Крусановъ, наводя на нее свой лорнетъ. Взглянулъ и замолкъ.—Нѣтъ, братъ, свазалъ онъ наконецъ, поворачиваясь во мнѣ съ презабавнымъ выраженіемъ досады,—это не по моей части!

— Это почему?

— Да потому что эта, милый мой, не съ родни моимъ степнушкамъ. Это, братецъ мой, Европа! Ты ее сейчасъ въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ вези, такъ она и тамъ сама себя отрекомендуетъ.

— Эге, да ты смотри, я о тебѣ Ольгѣ Николаевнѣ донесу сейчасъ!

Но Крусановъ уже дерзко пробирался за заповѣдную грань кадрили, чтобы стать поближе къ незнакомой ему дѣвушкѣ.

И, дѣйствительно, она была поразительно хороша, хороша какою-то необычайною прелестью. Высокая, бѣлая какъ чистѣйшій мраморъ, съ идеально тонкими очертаніями головы и бюста, съ блѣдно голубыми, почти неподвижными глазами, въ которыхъ предстоявшіе предметы какъ будто не находили себѣ отраженія, она походила на призракъ какой-то древней

богини „неотразимый и роковой...“ Мнѣ въ жизни уже болѣе не случилось встрѣчаться съ подобною красотой...

— Слыхалъ ты про Чемисарова? Богачъ, помѣщикъ, генераль-лейтенантъ въ отставкѣ, въ 12 году еще отличился; такъ это его дочь. Недавно изъ деревни пріѣхали сюда на зиму, доложилъ мнѣ, успѣвшій тѣмъ временемъ все разузнать, Крусановъ.

— Какъ ты думаешь? спросилъ я его: — улыбается она когда-нибудь?

— Повидимому, способности не оказываетъ, отвѣчалъ онъ, — царевна какая-то изъ соннаго царства. Пойду, поищу, нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь сиротки изъ Бузулука. Хороша эта, хороша, ни слова, только, воля твоя, душа въ ней не лежитъ.

Но я между тѣмъ успѣлъ замѣтить, что она улыбалась, или старалась улыбнуться любезностямъ своего кавалера, и что даже въ этой улыбкѣ было что-то невыразимо манящее, чему непобѣдимымъ опроверженіемъ, казалось, служили ея безучастные и безнадежные глаза.

„На душѣ у этой Изиды что-то не ладно; или я совсѣмъ уже плохой фізіономистъ“, подумалъ я.

А между тѣмъ она производила на свѣтскую толпу самое выгодное впечатлѣніе. Эффектъ былъ всеобщій.

— Mais c'est une reine? торжественно изъяснялъ свое мнѣніе князь Никодимъ Ларионовичъ: — она отъ Гомеровыхъ боговъ въ прямомъ колѣнѣ происходитъ!

И по этому случаю маленькій сановникъ приподнялся даже на каблучкахъ своихъ, точно будто въ эту минуту чувствовалъ себя самъ и королемъ, и Гомеровымъ богомъ.

— Quelle distinction! удивлялась хозяйка дома, княгиня Марѳа Львовна.

— Sa mère est une princesse Kourliatof, — объясняла ей дочь ея Сашенька, прозванная Церерой за мучную бѣлизну ея блестящихъ плечъ, Сашенька, для которой идеаль жизни представлялся чѣмъ-то въ видѣ безконечно-длинной галереи, съ тѣснымъ рядомъ вариатидъ по обѣимъ сторонамъ ея; вариатиды всѣ безъ исключенія графы и князья; они ровно ни-

чего не говорятъ ей, а только улыбаются, и она также ничего не говоритъ имъ, а только улыбается направо и налево, да несетъ высоко свои великолѣпныя плечи, и все идетъ, идетъ и улыбается своимъ милымъ вариатамъ до самой смерти.

— Па маль, па маль, ме ла Катинка э плю пиканъ, отзывалася прѣзжая изъ Воронежа Крезъ-старуха, добродушно бывая единственной наслѣдницѣ своей и племянницѣ, молоденькой и еще жиденькой особѣ, съ смѣлымъ и возбуждательнымъ монгольскимъ личикомъ, въ которомъ выражалась несокрушимая увѣренность въ будущіе успѣхи на всѣхъ прищахъ земнаго счастья.

— C'est une autre Bettina pour un autre Göthe, говорила въ то же время провзительнымъ и картавымъ голосомъ Эвелина Конрадовна Ятаганова, рожденная Ванкухень, обращаясь въ своей сосѣдѣ, Елизаветѣ Григорьевнѣ Границыной, не молодой и миловидной женщинѣ, въ очкахъ, съ поблеклыми, но тончайшими, породисто-благородными чертами лица, которая въ эту минуту высыпала на руку табакъ изъ золотого рожка, къ великому скандалу сидѣвшей тутъ же супруги тайнаго совѣтника Подтяжвина, переведеннаго недавно изъ Петербурга сенаторомъ въ Москву.

— Вы скажите мнѣ прежде, бывають-ли счастливы Беттины? отвѣчала Елизавета Григорьевна, медленно нюхая свой табакъ и съ задумчивымъ участіемъ глядя на дѣвушку, которая обращала на себя всеобщее вниманіе.

Но Эвелина Конрадовна, не слушая ея, продолжала восхищаться и картавить.

— Въ ней блескъ Алябевой и прелесть Гончаровой, восклицала она нараспѣвъ во всеуслышаніе, откидываясь бокомъ на спинку кресла и обдергивая обѣими руками свое хрустящее шелковое платье такъ, какъ будто питала къ нему наслѣдственную вражду. Взгляни на нее мой бѣдный Языковъ, онъ написалъ бы ей дивныя стихи въ родѣ тѣхъ, помните, которые онъ меня еще просилъ исправить:

... Еслибъ жили

Вы межъ Грековъ, въ оны дни,

Греки бь вась боготворили,
 Вамъ построили бь они
 Бѣломраморные храмы,
 Золотые алтари,
 Гдѣ бь курились еиміамы
 Отъ зари и до зари!...

Кадриль вончилась. Видимо млѣющей кирасирь отвелъ свою даму на мѣсто, но не покидалъ ея и пожиралъ глазами, стоя и наклонивъ къ ней свою гладко обстриженную и лоснящуюся гвардейскую голову.

— Это, сударь мой, тридцатью тысячами дохода пахнетъ, пояснялъ мнѣ безпощадный Крусановъ, набравшійся тѣмъ временемъ новыхъ справокъ;—безвыѣздно въ деревнѣ живутъ, отецъ дова въ хозяйствѣ и суупердѣй страшный.

— Извините, вѣжливо произнесъ въ это время подлѣ насъ чей-то голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ. И вурчавый морской офицеръ, слегка задѣвъ меня локтемъ, быстро пропшыгнулъ мимо, направляясь въ сторону, гдѣ сидѣла блѣдная красавица.

— Боже мой! чуть не крикнулъ я на всю залу:—ты-ли это, Кемскій?

И предо мной внезапно предстали толпой всѣ дорогія воспоминанія моей молодости и весеннія ночи въ Царскомъ Селѣ, и старикъ Калиничъ, и первые стихи Мея, и слезы, капавшія противъ воли по щекамъ этого курчаваго моряка, когда

Съ лицейскаго порога
 Онъ на корабль перешагнулъ шута,

какъ нѣбогда Матюшкинъ, и мы всѣмъ вурсомъ поѣхали въ воскресный день провожать его въ Кронштадтъ.

Морякъ обернулся; радостное изумленіе выразилось на его лицѣ; онъ приостановился на мгновеніе, дружески махнулъ мнѣ рукой и живѣе прежняго поватилъ по тому же направленію.

— Ишь, какъ его туда тянетъ, что твой компасъ! смѣясь замѣтилъ Крусановъ:—кто это такой?

— Лицейскій мой товарищъ, Владиміръ Кемскій. Мы съ самаго выпуска не видались.

— Изъ Петербурга теперь, стало-быть?

— Не знаю. Мы разстались съ нимъ восемь лѣтъ тому назадъ. Онъ пошелъ тогда вокругъ свѣта, а затѣмъ, я слышалъ, перешелъ въ черноморскій флотъ.

— Хорошій флотъ! одобрительно промолвилъ Крусановъ и кивнулъ головой, съ видомъ знатока, хотя опрочъ московскихъ сплетенъ онъ ни о чемъ въ мірѣ не имѣлъ никакого понятія.

— Они, видно, старинные знакомые, продолжалъ онъ громко сообщать мнѣ свои заключенія,—не изъ одной-ли губерніи, или даже родня? Гляди-ка, гляди, какъ онъ ее за руку ухватилъ, какъ пожимаетъ здорово; вѣдь онъ ей всѣ пальчики отдавить этимъ маперомъ, Лаперузъ-то твой, ей Богу! Те, те, те, да нѣтъ-ли романа какого? Смотри, наша царевна словно просіяла.

Крусановъ былъ правъ. Внезапное появленіе Кемскаго, казалось, оживило этотъ мраморъ. Губы ея побагровѣли, легкій румянецъ проступилъ сквозь тонкую кожу лица. Даже глаза ея, эти нѣмые глаза, казалось, хотѣли заговорить; но мнѣ вообразилось почему-то, что еслибы точно заговорили они, не радостью, а какимъ-то сокровеннымъ смущеніемъ отвѣчалъ бы ея взглядъ на живой, говорящій взглядъ Кемскаго. Но загорѣвшаяся искра погасла, едва свергнувъ; глаза ея остались также равнодушны и безучастны.

Онъ сѣлъ между тѣмъ подлѣ нея, видимо отдавшись весь счастью неожиданной встрѣчи и не обращая никакого вниманія на окружающую ихъ толпу, на балъ, на свѣтскія приличія. Онъ съ жаромъ ей что-то говорилъ, глядя ей прямо въ глаза и по временамъ сжимая свои густыя брови, будто доискиваясь чего-то въ ея лицѣ и недоумѣвая....

Она слушала, обернувшись въ нему и тихо улыбаясь на его рѣчи, улыбаясь, но не весело,—казалось мнѣ опять.

Модный гвардеецъ, такъ изящно занимавшій ее разговоромъ до тѣхъ поръ, изображалъ собой въ эту минуту нѣчто въ родѣ того, какъ еслибы онъ на войнѣ внезапно наткнулся, въ пылу атаки, на засаду, съ грозящимъ ему изъ-за нея десятую сильнѣйшимъ непріателемъ. Онъ, повидимому, намѣ-